

Научная статья

УДК 316.422

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.1>

EDN TSHKRY

Синтез группового и индивидуального, бесплатного и платного обучения в управлении образованием**Сергей А. Барков**¹¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

e-mail: barkserg@live.ru

Анна В. Маркеева²² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Инна В. Колодезникова³³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: inna0105@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена рассмотрению основных факторов, формирующих институциональный контекст развития сферы образования в России на современном этапе. Авторы указывают, что разнообразие форматов образования в условиях постмодерна при его неизменно значимой роли в общественной жизни требует более детального рассмотрения механизмов управления данной сферой.

Результаты и их обсуждение. На основе рассмотрения институционального контекста образовательного процесса авторами выделены ограничения при применении административных методов в управлении образованием. Авторы выделяют основные группы факторов, оказывающих влияние на институциональную трансформацию образования и акцентируют внимание на необходимости более широкого применения методов институционального характера при регулировании образования.

Авторы особо выделяют два аспекта формирования будущего институционального контекста развития сферы образования в России: синтез группового и индивидуального, а также бесплатного и платного форматов обучения и предлагают некоторые направления их институциональных преобразований. В частности, предлагается ввести индивидуальные спецкурсы преподавателей в ВУЗах, ввести финансирование индивидуального образования, признать репетиторство в качестве закономерного и легитимного вида образовательной деятельности, а также разделить платные и бесплатные профили в системе высшего образования.

Заключение. Авторы считают, что предложенные меры при всей их дискуссионности создадут реальные возможности для решения наиболее насущных проблем в сфере образования на благо всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: образование; реформирование образования; институциональное

управление в образовании; групповое и индивидуальное образование; платное и бесплатное образование; трансформация образования в постиндустриальном обществе. **Для цитирования:** Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. (2026). Синтез группового и индивидуального, бесплатного и платного обучения в управлении образованием. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 8-25. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.1>

Synthesis of group and individual, free and paid training in education management

Sergey A. Barkov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: barkserg@live.ru

Anna V. Markeeva²

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Inna V. Kolodeznikova³

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: inna0105@yandex.ru

Abstract.

Introduction. The article is devoted to the consideration of the main factors shaping the institutional context of the development of education in Russia at the present stage. The authors point out that the variety of educational formats in the context of postmodernity, with its invariably significant role in public life, require a more detailed consideration of the management mechanisms of this area.

Results and its discussion. Based on the consideration of the institutional context of the educational process, the authors identify limitations in the application of administrative methods in education management. The authors identify the main groups of factors influencing the institutional transformation of education and focus on the need for wider application of institutional methods in the regulation of education.

The authors highlight two aspects of shaping the future institutional context for the development of education in Russia: a synthesis of group and individual, as well as free and paid training formats, and suggests some directions for their institutional transformations. In particular, it is proposed to introduce individual special courses for teachers at universities, to introduce financing for individual education, to recognize tutoring as a legitimate and legitimate type of educational activity, and to separate paid and free profiles in the higher education system.

Conclusion. The authors believe that the proposed measures, for all their controversial nature, will create real opportunities to solve the most pressing problems in the field of education for the benefit of all participants in the educational process.

Keywords: education; education reform; institutional management in education; group and individual education; paid and free education; transformation of education in a post-industrial society.

For citation: Barkov S. A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I. V. (2026). Synthesis of group and individual, free and paid training in education management. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 8-25. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.1>

Введение

Невозможно представить человека, который в течение жизни не был бы включен в процесс получения образования, если рассматривать его в самом широком смысле как приобретение любых знаний и умений. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указывается, что образование – это «совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изм. и доп. 01.01.2026)). При этом существует великое множество видов и способов получения образования.

Не следует думать, что, если нужно организовать передачу знаний, необходимо обязательно собрать группу учащихся, найти учителя, назначить точное время и продолжительность занятий, а также определить численные оценки усвоения материала. Все это правила только одного – традиционного подхода к образованию. Вместо этого можно стимулировать самообразование, наладить индивидуальное обучение с тьютором, создать платформу в интернете. В эпоху постмодерна эти альтернативные пути получения знаний и умений оказываются не менее, а часто и более успешными, чем традиционное групповое обучение.

Важной особенностью образования в эту эпоху является включенность индивида в процесс получения образования на протяжении всей жизни. Это нашло отражение в концепции «образование в течение жизни», что также отражено в Законе об образовании. В современных условиях, когда во многих странах население неуклонно стареет, повсюду открываются «серебряные» университеты, ориентированные на обучающихся пожилого возраста. Вообще большую долю знаний, необходимых человеку для осуществления профессиональной деятельности и просто для жизни, он получает вне школы и вуза. В условиях стремительного развития техники и технологий знания устаревают так быстро, что для успешного существования в социальной реальности необходимо постоянное восприятие новых фактов и идей. Работники предприятий, сотрудники компаний, чиновники всех уровней, предпенсионеры и безработные – в процесс получения знаний включается всё больше взрослых людей, что в свою очередь стимулирует к созданию разнообразных обучающих программ и платформ. Согласно исследованию ВЦИОМ, только 2% организаций в России вообще не занимаются обучением сотрудников; при этом большинство работников в течение года проходят как минимум один обучающий курс (ВЦИОМ, 2023, 6). При этом традиционное групповое обучение оказывается совсем не главным для взрослых людей. В эпоху постмодерна альтернативные пути получения знаний и умений оказываются не менее, а часто и более успешными, чем традиционное групповое обучение: растет востребованность более компактных по времени курсов и онлайн-обучения (РБК, 2024, 5).

Изменения в форматах образования при его неизменно значимой роли в общественной жизни требуют более детального рассмотрения механизмов управления данной сферой.

Социальное управление в образовании: возможности и ограничения

При всем разнообразии видов социального управления, с методологической точки

зрения, важно выделить административное и институциональное управление. Административное управление основано на приказах, субординации и четком определении цели управленческого воздействия субъекта на объект. Институциональное управление в качестве своего основного инструмента использует правила и нормы, при этом субъект управления задает рамки для развития объекта, у которого остается выбор траектории своего движения в этих рамках.

Сфера административного управления в образовании оказывается изначально сужена, поскольку образование как социальный институт представляет собой крайне сложную систему взаимоотношений между людьми, внутри которой происходит огромное число небольших трансакций, по поводу которых невозможно принимать отдельные приказы. Ограничивает возможности классического администрирования также наличие в сфере образования большого количества высокообразованных, высококвалифицированных людей – учителей и преподавателей, обладающих значительным интеллектуальным и творческим потенциалом. Кроме того, сфера образования инерционна: перемены в ней не могут быть осуществлены быстро, одномоментно. Они требуют времени, серьезной подготовки и относительно длительного ожидания результата. Все эти факторы определяют то обстоятельство, что образование по своей природе всегда было и останется объектом институционального управления, где формальные институты и неформальные институты (часто называемые институциями) играют системообразующую роль.

Важно отметить, что понимание таких основополагающих управленческих категорий как цели и эффективность, различается в административном и институциональном управлении. В административном понимании управление – это движение к цели, четко обозначенной, неизменной и единой. Для институционального управления категория цели не выступает в качестве главной, она может меняться и не всегда имеет четкие контуры. Но главное отличие заключается в том, что даже при очевидном успехе в применении инструментов институционального управления этот успех крайне трудно измерить – он определяется через относительно длительное время и заключается в новом качестве социальной системы.

Отсутствие четкой цели в институциональном управлении также радикально меняет его эффективность. При административном подходе достижение цели отражает результаты работы и органически связывается с эффективностью управления. Эффективность для сторонников административного подхода – это достижение поставленной цели с минимальными затратами. Фетишизация эффективности что называется «вышла боком» для образования: критерии эффективности, разработанные в коммерческом секторе экономики для целей административного управления, были некритически перенесены на сферу институционального управления образованием. Наукометрические показатели, соотношение количества преподавателей с количеством студентов, средний бал ЕГЭ по учебному заведению, количество осуществленных программ повышения квалификации... – все эти и множество других критериев, которые якобы должны нацеливать работников системы образования на повышение эффективности, на деле оборачиваются множеством ненужных дополнительных требований и повышают нагрузку на учителей и преподавателей.

Являясь убежденными сторонниками применения институциональных подходов

в управлении образованием, мы считаем, что эффективность образования следует оценивать в целом, акцентируя внимание на наиболее значимых достижениях. Так, например, в ситуации действия многочисленных санкций, наложенных на Россию в последние годы, об эффективности отечественного образования может свидетельствовать именно быстрая адаптация экономики и общества в целом к изменившимся условиям жизнедеятельности.

В самом общем приближении институциональное управление – это формирование институционального контекста для развития объекта управления. Этот институциональный контекст должен адаптироваться к меняющимся социальным условиям деятельности как субъекта, так и объекта управления. В нашей стране в последние годы на меняющиеся условия в сфере образования реагировали преимущественно административным способом, что вызвало бесконечную череду реформ и множественные эксцессы менеджериализма. При этом о разумном и систематическом формировании институционального контекста фактически забыли, а, как будет показано ниже, произошедшие в обществе перемены, настоятельно требуют такой работы (Барков, Колодезникова, Маркеева. Институциональный и ..., 2025).

Факторы, меняющие институциональный контекст развития образования

В данной статье будут рассмотрены два направления формирования будущего институционального контекста развития сферы образования в России. Многим они могут показаться спорными, но современное состояние этой сферы и хаотические попытки достигнуть ее нового качества административным путем заставляют задуматься о необходимости существенных перемен «правил игры», пусть даже такие перемены кажутся многим сегодня недопустимыми.

Начать следует с изменений условий функционирования сферы образования – именно они определяют востребованность институциональных изменений. Самым общим изменением таких условий является **осознание самостоятельного статуса образования вне объединения с наукой в эпоху постмодерна**. Наука традиционно самым тесным образом связывалась с образованием: такое положение вещей было характерно и для доиндустриального, и для индустриального общества. Устойчивым в свое время стало выражение «учить наукам». Такой симбиоз науки и образования находил свое отражение и в управлении – государственный орган, отвечающий за сферу образования во многих странах, включая Россию, часто совмещал данную юрисдикцию с управлением наукой (в России до 2018 года Министерство образования и науки, ныне Министерство науки и высшего образования или Минобрнауки). Соответственно изменение отношения людей к науке не могло не сказаться и на отношении к образованию, которое стало иметь в значительной степени прикладной узконаправленный характер, что в свою очередь не могло не сказаться на изменении методов и форматов образования.

Уже достаточно давно стало понятно, что наукой в обществе занимается небольшое число людей. Для подавляющего же большинства единственным «научным» трудом, который они создали за свою жизнь, остается их дипломная работа. Образование должно готовить людей не для науки, а для жизни. Поэтому уже в конце XX века повсюду в мире высшее образование по своей структуре стало отходить от классической

типологии наук и включать в себя множественные практические направления подготовки людей – туризм, социальную работу, государственное управление и др.

Однако научная ориентация образования осталась, и постепенно приобрела ритуально-имитационные формы. Наука – это прежде всего рождение оригинальных идей. В сфере же образования она превратилась в наукообразное оформление любых идей. От автора диплома стали требовать правильно написать актуальность, определить объект и предмет, расписать методологическую базу исследования, даже при том, что никаких оригинальных идей у него не нет. Понимание того, что это единственный случай, когда индивид столкнется с такими требованиями, определило их восприятие в качестве схоластических норм, которые нужно просто выполнить, не сильно задумываясь над тем, для чего они созданы. Только небольшое количество людей, «идущих в науку», уже в процессе своей дальнейшей деятельности смогут оценить их необходимость и полезность (Барков, 2021, 1).

Другое изменение условий функционирования сферы образования тесно связано с разрывом между наукой и образованием. Это **стремление подстроить образование под меняющиеся требования рынка труда**. Если в науку *идут* единицы, то на рынок труда попадают все. Следовательно, нужно готовить людей для конкретных профессий или даже должностей. Это стремление привело к возникновению очень узких направлений подготовки. При этом изначально было понятно, что устойчивого долговременного спроса на узких специалистов быть не может. Сложилась парадоксальная ситуация: специализация, углубляющаяся в ответ на запросы бизнеса, породила развитие многочисленных программ подготовки узкопрофильных специалистов, которые этот же бизнес в конечном итоге не удовлетворяют. И тем немногим выпускникам, которые находят себе место работы в сфере науки, и тем, которые идут в реальный сектор экономики, необходимо доучиваться или переучиваться.

Еще раз повторяя тезис о значительной ограниченности возможностей административного управления в сфере образования, заметим, что и наука, и рынок не статичны, они непрерывно развиваются и предвидеть заранее все сложные траектории их развития невозможно: сегодня нельзя точно определить требуемое количество работников в разных сферах через 5-10 лет и соответственно трудно обосновать необходимое количество студентов на различных кафедрах разных факультетов университета: неизбежны ситуации, когда каких-то специалистов будет подготовлено больше, а каких-то меньше, чем нужно. Вместо того, чтобы принять такую ситуацию за данность, менеджеры от образования самых разных уровней пытаются всеми силами «искать черную кошку в темной комнате», ломая логически выстроенную структуру образования под данные прогнозов, которые никогда не будут абсолютно точными (Барков, 2021, 1).

Безусловно, устранять грубые диспропорции между запросами рынка труда и результатами работы системы образования необходимо. Но это должны быть только самые общие указания, распределяющие потоки обучающихся между отдельными большими сферами образования. Так, за последние годы в нашей стране стала успешно выправляться диспропорция между высшим и среднеспециальным образованием, а также сократилась бюджетная подготовка по экономическим и юридическим специальностям. Повсюду начали готовить специалистов в области ИИ, но, так как

сегодня невозможно предсказать его развитие в ближайшие 4-5 лет, невозможно и точно просчитать ни количество, ни тем более качество таких специалистов. «Точно» подстроиться под конкретные запросы отдельных компаний и разнообразные (часто разнонаправленные) тенденции развития общества системе образования не под силу. Это подтверждает наш вывод о том, что эта система требует институционального управления и внимания к ее саморазвитию, а не административных мер.

Сегодня много говорят о корпоративной социальной ответственности. Ее органической частью является и забота компании о своих сотрудниках. Так вот нужно признать, что их доучивание по окончании вуза – это элемент социальной ответственности бизнеса. Понятно, что бизнесу не хочется этим заниматься, и, пользуясь своими лоббистскими возможностями, его представители все время убеждают власти в недостаточной адаптации образовательных программ под их запросы. Однако, как мы видим, такой «достаточности» не будет никогда, а чрезмерная специализация выпускников приводит только к еще большим диспропорциям на рынке труда.

Еще одним фактором изменения условий развития современного образования в стране и в мире служит **цифровизация**. В рамках рассмотрения трансформации института образования самый главный эффект цифровизации – это **сокращения трансакционных издержек**. Трансакционные издержки самых разных видов уменьшаются в компьютерную эпоху и формируют новый институциональный контекст. Если трансакционные издержки падают, рынок образовательных услуг становится доступнее, а роль крупных организаций (особенно региональных школ и университетов) уменьшается. С развитием информационных технологий и социальных медиа, а также с развитием онлайн-обучения и распространением платформенных решений в сфере образования резко сокращаются издержки обучающихся по выбору преподавателя, учебного курса, учебного заведения. Одновременно сокращаются и физические таксационные издержки, связанные с тем, что нужно добираться до места учебы, снимать жилье и обустраивать жизнь на новом месте. Точно также для обучающихся сокращаются издержки выбора конкретного ученика. На порядок доступнее, чем десятилетиями ранее, становится индивидуальное образование, а его востребованность уже обозначилась при разделении обучающихся на тех, кто будет заниматься наукой и инновациями, и тех, кто готовит себя к выходу на рынок труда. Также индивидуальное образование важно и для подготовки кадров для конкретных предприятий с их часто уникальными рабочими местами.

Нет оснований считать, что роль классических учебных заведений и традиционных форматов очного группового образования будет сведена к минимуму в ближайшем обозримом будущем, но, как и на рынках товаров и услуг, в сфере образования все большие возможности для развития получают индивидуализированные «продукты». Цифровизация как ничто иное способствует такой ситуации, когда на цифровой основе происходит ренессанс индивидуальных моделей образования: репетиторства и тьюторства.

Цифровизация связана с индивидуализацией образования еще одним, можно сказать «косвенным» образом. Латентным последствием цифровизации в широком смысле этого слова стало **резкое снижение возможностей отследить формирование и наличие знаний у обучающихся**. Ранее подготовка докладов и выступлений на

семинарах подразумевала работу с несколькими источниками для чего требовалось посещение библиотек, теперь все необходимые материалы мгновенно скачиваются из интернета, а презентации по любому предмету готовятся ИИ за считанные минуты. У обучающегося при этом не происходит формирования каких-либо дополнительных навыков и умений. С письменным экзаменом также произошла метаморфоза: с развитием технологий появилось множество устройств, помогающих студентам прямо в момент экзамена в режиме онлайн получить ответы на любые вопросы (Барков, Колодезникова, Маркеева, Институциональные матрицы, 2025, 2).

Цифровизация и развитие технологий (особенно технологий ИИ) – это серьезный вызов для современного образования; вызов, не предполагающий однозначного ответа. По нашему мнению, реальным ответом на современное и будущее воздействие цифровизации на образование может стать его индивидуализация и самое активное использование индивидуального взаимодействия обучающегося и обучающего в режиме «тет-а-тет» с использованием творческой деятельности при относительно приемлемым минимумом применяемых гаджетов. Когда между обучающим и обучаемым идет устный диалог, когда легко фиксировать невербальные сигналы последнего и требуется его мгновенная реакция на поставленные задачи, очень трудно использовать цифровые технологии.

Синтез группового и индивидуального обучения

Синтез группового и индивидуального образования не только желателен, но и, по всей видимости, необходим. Только он сможет существенно исправить те недостатки, которые появились и нарастали в системе образования, созданной для функционирования в условиях прошлого столетия.

Уже перечисленными выше факторами, определяющими возможность, желательность и востребованность индивидуальных форматов образования служат:

- непрерывное образование в течение всей жизни (с неизбежностью актуализирующее значение самообразования и индивидуальной подготовки к уникальными профессиональным и жизненным ситуациям);
- многообразии траекторий профессионального и личностного развития людей эпохи постмодерна (что требует не просто частичной индивидуальной адаптации знаний, рассчитанных для усвоения группой, а индивидуализацию образовательных программ);
- цифровизация как снижение таксационных издержек по организации индивидуального обучения (отсутствие необходимости собирать обучаемых в одном месте, в одно время с применением единых процедур осуществления образовательного процесса);
- необходимость противостояния некорректному использованию цифровых технологий (для отслеживания реального овладения знаниями и умениями, а также предотвращения уклонения от участия в образовательном процессе, что очень часто встречается при групповом обучении).

В реалиях индустриального общества индивидуальное обучение виделось как слишком дорогое, подрывающее демократические основы функционирования сферы образования, ориентированное исключительно на представителей элиты и при этом не обладающее преимуществами, которые бы дали существенный эффект. В нашей стране

скептицизм в отношении к индивидуальному обучению был связан еще и с пропагандой коллективизма как одной из важнейших основ социалистического и коммунистического общества. Например, репетиторство воспринималась как некие «костыли» для тех людей, которые неспособны сами вместе с группой передвигаться «по стране знаний».

Реальность постепенно менялась, и в самом традиционном образовании возникли множественные негативные тенденции, во многом связанные с отрицанием этих изменений. «Загнанное в угол» индивидуальное обучение демонстрировало не только свою дееспособность, но и высокие результаты. И все больше людей стали прибегать к нему, часто даже не афишируя это открыто.

В течение XX века постоянно нарастал объем знаний. Со сталинских времен многократно усложнился материал почти по всем предметам. Такое развитие событий сегодня видится закономерным ввиду непререкаемой веры в прогресс и постоянными успехами науки, каждый из которых должен найти свое отражение в учебниках. Образование при этом не успевало за наукой, а ученики – за образованием. Программы обучения оказались перегруженными и потребовали массового использования уже упомянутых «костылей» в виде индивидуального обучения с родителями. Они стали готовить детей к школе, а затем и учиться с ними. Значительное количество родителей стало прибегать к услугам репетиторов. При этом вера в прогресс стала постепенно уходить в прошлое, и у обучающихся начал развиваться все более рациональный взгляд на бесконечный материал, который заставляют изучать. Этот рациональный взгляд получил дальнейшее развитие в компьютерную эру, когда практически всю необходимую информацию для жизни человека легко получить в интернете. Традиционное образование столкнулось с массовыми проявлениями проблемы безбилетника. А в группе, как известно, «на порядок» легче скрыться от любых форм контроля, чем в одиночку. И вместо того, чтобы изменять подходы к обучению, система образования ответила на эти вызовы многократным увеличением контроля, что происходило в последние десятилетия и не решало проблемы, а скорее усугубляло их.

При этом индивидуальное обучение не только выжило в эпоху тотального доминирования традиционного группового подхода к образованию, но и стало необходимым для его реализации на практике. Кроме того, оно продемонстрировало свою эффективность при изучении языков и различных видов искусства, а также при занятиях спортом.

Какими же представляются направления синтеза группового и индивидуального обучения? Таких направлений может быть много, некоторые из них могут показаться не менее фантастическими, чем предсказания о синтезе человеческого мозга и искусственного интеллекта, но, на самом деле, несмотря на огромные организационные сложности, движение именно в этих направлениях может дать существенный эффект в плане исправления ситуации, сложившейся в эпоху доминирования группового обучения.

Первое и самое легкое, что можно сделать, это ввести в вузах **индивидуальные спецкурсы преподавателей**. По силе своего воздействия на студента они будут многократно превышать традиционные групповые спецкурсы. Во избежание бюрократических проблем и возражений типа, откуда взять столько преподавателей, заметим, что один такой спецкурс может быть приравнен к трем или более групповым,

читаемым сегодня. Студенты будут выбирать не просто предмет, а связку «преподаватель-дисциплина». Очевидны преимущества такого нововведения. Темп освоения дисциплины будет зависеть от способностей и желания обучающегося. Никто не сможет указывать, на каком моменте начать и на каком моменте закончить обучение. Студент не сможет отлынивать. Он должен будет работать и общаться с преподавателем, не скрывая свой реальный уровень знаний. Лучшие студенты получают возможность быстрого освоения знаний и в большем объеме, чем те, кто хочет просто закончить вуз. Если же у бюрократии возникнут всегдашние опасения по части оппортунизма в образовательном процессе, финальный экзамен может принимать комиссия, опять же ориентированная на выявление глубокой подготовки студента, а не на получение ответов на стандартные вопросы.

Второе направление связано с **официальным признанием результатов индивидуального обучения – самообразования и привлечения тьюторов**. Такое признание может начаться в школе и продолжиться в вузе. При постепенном введении сначала оно может затронуть очевидно второстепенные по важности предметы – музыку и рисование. Если ученик посещает музыкальную или художественную школу, а также занимается индивидуально (сам или с тьютором) музыкой и изобразительным искусством, он может быть освобожден от групповых занятий. Оценку ему можно поставить в рамках экстерната. Затем официальное признание полученных вне образовательной организации знаний может быть распространено на информатику и ряд других предметов. В вузе дополнительные, расширяющие кругозор дисциплины, также можно будет осваивать по системе экстерната. Чаще всего это будет затрагивать тех студентов, у которых возникла сильная мотивация к освоению некоторой области знаний и умений, непосредственно не связанных с профилем образования. Можно предусмотреть и возможность превращения хобби в предмет оценивания. Увлекаясь каким-то делом, человек осваивает множество знаний и умений. Часто они будут для него в жизни намного полезнее, чем те, что он получит в результате прослушивания дополнительного курса, ориентированного на анализ какой-то проблемы, к которой у него не сформировалось «личного отношения».

Третье направление может включать в себя не только официальное признание, но и **финансирование индивидуального образования**. Данная мера логично распространяется на изучение иностранных языков. Неэффективность этого процесса в рамках традиционного российского образования очевидна всем. На изучение иностранных языков российское государство тратит огромные средства, а школьники и студенты – массу времени. Большинство этих затрат оказывается бесполезными, и люди знают по две-три фразы на иностранном языке, боятся на нем говорить и почти не используют ни на работе, ни в других жизненных ситуациях. В этих условиях вполне обоснованные опасения, что выделенные родителям, а с определенного возраста самим обучающимся, средства будут потрачены зря и не по назначению, теряют свою силу. Ведь деньги и так расходуются зря. Первый год ученик может осваивать иностранный язык за счет средств родителей, а затем, если он покажет знания и заинтересованность в предмете, он получит ваучер на дальнейшее более глубокое освоение языка.

Эксперимент такого рода напрашивается, когда речь заходит об изучении нашими соотечественниками китайского языка. Потребность в этом есть сейчас, и, как мы

понимаем, она будет сильно возрастать в будущем. Но тратить колоссальные государственные деньги, организационные усилия, чтобы учить китайскому языку по той схеме, по какой изучается сегодня английский язык, представляется совсем неразумным. В нашей стране уже много примеров, говорящих о том, что с тьютором китайский язык можно выучить достаточно глубоко и быстро. Следует развивать эти практики, сделав в данном случае индивидуальное образование базовым, а не дополнительным.

Четвертым направлением может стать **признание репетиторства в качестве закономерного и легитимного вида образовательной деятельности**. Иногда нет ничего сложнее, чем признать правду. Это относится к «реабилитации» репетиторства, понимания его правомочности и неизбежности. Правда заключается в том, что репетиторство неуничтожимо – любые трансформации сферы образования не смогут избавить общество от дефицита мест в престижных школах, училищах, колледжах и университетах. Дефицит всегда создает конкурс, а для победы в конкурсе участники полагаются на содействие помощников – в данном случае репетиторов.

Следует понимать, что конкурсная основа замещения мест в учебных аудиториях неявно приводит к формированию специальных требований к поступающим. Формально многие годы в России институциональный контекст поступления во все учебные заведения включал в себя в качестве основной норму достаточности предыдущего образования. Программы всех вступительных экзаменов практически полностью повторяли и повторяют сейчас программы обучения на предыдущих уровнях образования. Однако конкурс с необходимостью формировал и неформальную институциональную норму, заключающуюся в наличии специальных требований, отличающих лучших от худших. Эти требования опять же с необходимостью выходили за рамки официально публикуемых программ и других документов. И сегодня эту правду следует признать.

Наиболее престижные учебные заведения могут создавать специальные программы вступительных испытаний, содержание которых будет несколько большим, чем изучаемая всеми школьниками и студентами предметная область. Для прохождения такого рода испытаний всем нужно использовать дополнительную подготовку. Она может быть трех видов. Для кого-то достаточным и эффективным способом нарастить знания над школьной программой будет самообразование. Другие будут ходить на подготовительные курсы, устраиваемые учебными заведениями. А третьи – учиться под руководством частных репетиторов. Таким образом репетиторство будет узаконено, а существующая уже многие годы ситуация найдет свое формальное институциональное оформление.

Сложность данной трансформации и институционального закрепления того, что уже существует и не может не существовать, состоит в том, что эти действия вступают в явное противоречие с моральными императивами российского общества, которые сами – в самом общем виде – могут быть признаны неформальными институциями. Эти моральные императивы заключаются в том, что все должны иметь право на образование вне зависимости от дохода, а учебного материала, бесплатно и без специальных усилий усвоенного на предыдущей ступени образования, должно хватать для того, чтобы перейти на следующую. Аргументы против этих «истин» всегда будут вызывать

эмоциональное отторжение и социальное сопротивление.

Несмотря на это, приведем некоторые аргументы в защиту нашей позиции. Во-первых, речь идет только о престижных учебных заведениях – в остальные (как сегодня и ранее), можно будет по-прежнему поступить просто с хорошим знанием общедоступного материала. Во-вторых, практика специальной подготовки к поступлению в престижные вузы существует во многих странах. Во Франции и в ряде других европейских стран на такую подготовку часто отводится целый год, называемый подготовительным классом. Чаще всего это платное обучение. В России традиционно подготовка к поступлению ведется параллельно с основными занятиями, и человек даже не должен будет терять целый год, а платные услуги будут использоваться только в течение нескольких месяцев. Наконец, в-третьих, многообразие форм подготовки позволяет выбрать те из них, которые «по карману» семье. Самые талантливые ученики могут это делать в рамках самообразования, по определению бесплатного.

Наконец, существует еще один, самый весомый с рациональной точки зрения аргумент – репетиторство делает поступающих не глупее, а умнее. В отличие от многих государственных инициатив последних лет – прежде всего ЕГЭ – понизивших интеллектуальный уровень школьников и студентов, традиционное репетиторство развивает человека, увеличивает человеческий капитал личности и общества. Поступающие будут знать и уметь больше, чем при современной «демократической» только на бумаге системе поступления в учебные заведения.

Синтез бесплатного и платного образования

Если обратиться к условиям изменения функционирования системы образования в нашей стране, то для очень большого количества людей на первое место выйдет развитие платного образования. Люди на своем семейном бюджете чувствуют это изменение и часто реагируют на него очень болезненно, особенно, при постоянной риторике о доступности и необходимости образования для людей современной эпохи. Развитие платного образования происходило во многом спонтанно, под влиянием экономических причин, а не продуманных действий со стороны государства.

В период кризиса 1990-х годов реформы осуществлялись в условиях хронической нехватки финансирования многих сфер, включая сферу образования. Такая ситуация непомерно усиливала стремление государственных регулирующих органов к экономии одновременно со стремлением руководства образовательных учреждений к зарабатыванию денег. Явное **недофинансирование сферы образования** стало очевидным экономическим базисом его реформ. Несколько десятилетий ограничений в финансовых средствах обернулись тем, что бедность стала системообразующим фактором российского образования, это сформировало специфический институциональный контекст добывания и распределения финансовых ресурсов в образовательных учреждениях.

Долгие годы видимой частью айсберга финансовых проблем в сфере образования являлись крайне низкие заработные платы преподавателей и учителей. В такой ситуации даже когда деньги у образовательного учреждения появлялись, их в первую очередь старались направить на зарплаты и премии сотрудников. На другие статьи расходов долгое время средства не выделялись или выделялись в очень небольших

объемах. В условиях постоянного недофинансирования страдала и продолжает страдать инфраструктура: ограничиваются командировки сотрудников и поездки студентов, не обновляются библиотечные фонды, вовремя не меняется устаревшее оборудование. Бедность стала не просто экономическим, а институциональным фактором, определяющим параметры управления образовательными организациями.

Ограничение финансирования повлияло на становление практики многочисленных «поборов» в школах. Ситуация, когда на все свои нужды школа вынуждена просить деньги у родителей, фактически привела к тому, что при декларируемой бесплатности образования, родители финансируют образование своих детей и это «софинансирование» приобрело характер российской традиции и объективной необходимости.

В российских ВУЗах в условиях крайне скудного бюджетного финансирования роль «софинансистов» выполняют платные студенты, которые в буквальном смысле позволяют выжить многим учебным заведениям высшего образования: деньги платных студентов тратятся на ремонт, закупку оборудования, оплату освещения и отопления. Указанные обстоятельства сформировали пиетет администрации перед платными студентами, который имеет место во многих вузах, где отчисление платного студента – это практически финансовое преступление.

Единственным рациональным решением данной проблемы является резкое сокращение и даже упразднение бесплатного высшего образования в стране. Но это практически невозможно опять-таки в силу сложившегося институционального контекста его развития. Советское прошлое сформировало устойчивое представление о том, что нормальной ситуацией является именно бесплатное образование и только отсутствие средств у вузов провоцирует платное обучение. Никакие ссылки на зарубежный опыт (а во многих странах: США и Великобритании, Канаде, Италии, Китае, Японии, Южной Корее, все высшее образование платное и в этом случае не создается препятствий к развитию данного общественного института) не могут поколебать это убеждение.

При этом следует отметить, что в последние годы по инициативе государства снижается число бесплатных мест в российских организациях высшего образования. В целом с 2019 по 2024 год количество студентов, обучающихся на платной основе в российских вузах увеличилось на 18%; при этом в стране есть регионы, где большинство студентов учатся на платной основе. Помимо г. Москвы – традиционного лидера по образовательной миграции в России, где в 2024 году рост спроса на платные места в вузах составил 79% (почти в четыре раза больше общероссийского показателя) (Белкова, 2025, 4), есть и другие регионы с высокими показателями интереса к платному образованию. Так, в 2023 году в Ямало-Ненецком автономный округе (89,6%), за ним с большим отрывом в топ трех регионов входила Владимирская область, где на платной основе обучалось 15 тысяч 652 студента (63,3%) от общей численности всех владимирских студентов (по данным Минобрнауки за 2023 год). С каждым годом всё больше регионов, где платных студентов больше, чем бесплатных.

Изменившиеся условия ведут к формированию нового институционального контекста и новых правил игры в сфере образования. Особенно это заметно на примере подготовки специалистов двух направлений – экономистов и юристов. Многие годы

именно эти направления подготовки были самыми востребованными, на них был самый большой поток абитуриентов и это привело к появлению большого числа платных мест по этим специальностям во многих вузах. Сегодня родители (а именно они во многом определяют выбор профессии для своих детей), выбирая для своего ребенка в качестве направления подготовки, например, юриспруденцию, уже прекрасно понимают, что, если они желают видеть своего ребенка студентом, им необходимо заранее откладывать деньги на такое образование. В рамках семейного бюджета происходит перенаправление потока доходов, и такая ситуация воспринимается как данность. При этом изменение институционального контекста в направлении выравнивания статуса платного образования с бесплатным будет идти еще очень долго, а субъекты социального управления будут не слишком стимулировать этот процесс в силу боязни общественного недовольства.

При осознании невозможности перехода на всеобщее платное образование в качестве начальной меры по инициации институционального изменения сложившегося положения вещей можно было бы в качестве эксперимента в ряде вузов вообще отказаться от платного образования или **четко разделить платные и бесплатные профили обучения**. Такое изменение даже при видимой незначительности потребует серьезных пропагандистских усилий. Важно не соединять в обучении на одной специальности платных и бесплатных студентов. Такое изменение может произойти внутри учебных заведений, а может быть осуществлено и между ними.

В стране могут и должны существовать **вузы, в которых студенты учатся только на бесплатной основе**. Преподаватели таких вузов не должны восприниматься как «нахлебники», которым улыбнулось такое счастье и которые поэтому возвысились над обычными «трутнями», вынужденными зарабатывать деньги. Самое главное, должно быть изменено финансирование данных учебных заведений. Чиновники должны смириться, что оно возрастет без видимых результатов, касающихся численности обучаемых, нагрузки, научных достижений и т.п. Оно должно быть увеличено в расчете на повышение качества образования у тех, кто не будет сталкиваться с низкой мотивацией студентов-платников. Опять же сегодня такая перспектива кажется утопической, но для обеспечения социальной поддержки таких институциональных изменений существуют свои, вполне логичные аргументы.

Совсем необязательно, чтобы учреждения культуры и социальной сферы зарабатывали деньги. В мире существуют тысячи бесплатных музеев. Никто не может сказать, что они хуже, а их просветительская роль ниже, чем у музеев, берущих плату за вход. Достижение социальных целей возможно, как на платной, так и на бесплатной основе. Даже экономисты, признающие неоспоримую роль рынка в осуществлении хозяйственных процессов, с этим согласятся. У них есть для этого показательный пример. Это сбор донорской крови. Еще не так давно во многих странах за сдачу крови платили. Это приводило к тому, что на донорские пункты привлекались бомжи, наркоманы и прочие маргинальные группы населения. По понятным причинам получаемая от них кровь часто была низкого качества, а иногда и просто опасной. В результате осознания такой проблемы правительства стран отказались от практики платной сдачи крови. В условиях, когда кровь сдают бесплатно – что называется, «по воле сердца» – она оказывается на порядок качественнее, а ее использование эффективнее с медицинской

точки зрения. Нечто подобное может произойти и в сфере образования: четко разделив платное и бесплатное образование, государство может получить серьезный прирост его качества, тем самым увеличив человеческий капитал страны.

Следует отметить, что первые шаги в этом направлении будут сделаны в нашей стране уже в приемной кампании 2026 года. Согласно принятому законопроекту о регулировании платных мест в российских вузах¹ – государство будет само устанавливать объемы платных мест по образовательным программам и ежегодно их пересматривать. В результате могут появиться специальности, для которых будет предусмотрено только бесплатное обучение. Одновременно практикуемая уже сейчас «ручная», точечная настройка количества бюджетных мест в вузах может расширить список программ, где вообще нет бюджетных мест. Исходя из вышесказанного, такое разграничение следует считать положительным изменением, и высока вероятность того, что в обоих случаях качество образования может повыситься.

Однако есть и существенные факторы, препятствующие такому ходу развития событий. Во-первых, бюрократия от образования никогда не станет класть в основу своей деятельности такие размытые понятия, как качество образования и, тем более, конструктивная атмосфера в группах студентов. Регулирование количества платных мест нацелено на достижение пресловутого соответствия «продукции» вузов запросам рынка труда. Оно представляет собой директивное воздействие на предпочтения молодежи в выборе профиля образования, искусственное стимулирование их смещения от экономических или правовых специальностей в другие сферы (педагогика, IT, инженерные специальности и т.д.). Если же платные места будут каждый год перераспределяться, причем не без субъективных предпочтений тех же бюрократов, никакого положительного эффекта не будет. Во-вторых, упразднение или резкое сокращение платных мест на образовательных программах вуза должно подразумевать серьезное увеличение его бюджетного финансирования. Но этого не предусмотрено. Тогда, столкнувшись с падением и так невысоких зарплат, преподаватели сами первыми попросят возможности за деньги учить кого угодно, не получив никакого удовольствия от повышения мотивации студентов. Поэтому следует изменить парадигму и контекст регулирования платных мест в вузах, хотя уже само желание регулировать и разграничивать виды образования следует приветствовать. Только при соответствующей институциональной поддержке такие административные решения в долгосрочной перспективе способны оказать позитивное влияние на качество образования в нашей стране.

Заключение

Описанные выше, возможные изменения институционального контекста функционирования сферы образования в стране могут многим показаться нереалистичными и даже неприемлемыми. Однако они обозначены с учетом опыта работы преподавателей. Если взять за ориентир институционального управления достижение оптимального баланса группового и индивидуального, а также бесплатного

¹ Федеральный закон от 23.05.2025 N 114-ФЗ "О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»".

и платного образования, значительная часть острых проблем, с которыми преподаватели сталкиваются каждый день и которые самым непосредственным образом снижают качество образования, обретут базу для своего решения. Несомненно, чиновники от образования, увлеченные административным управлением, предложили бы совсем другие направления развития системы образования в ответ на те же проблемы. Борьба со списыванием и неучастием в образовательном процессе в условиях цифровизации они станут, внедряя все более изощренные формы прокторинга и заставляя проставлять оценки обучающимся за каждое занятие (что уже имеет место во множестве учебных заведений) или за каждые несколько минут занятия. Они никогда не согласятся с отказом от платных образовательных услуг и привлечения дополнительных средств в образование. Демотивирующую роль платных студентов при этом они постараются скорректировать внедрением очередных новых и, как им кажется, еще более объективных форм контроля. Качество образования они будут мерить тестами остаточных знаний и количеством дипломов о повышении квалификации у педагогов. Своими действиями они стараются продлить существование того институционального контекста развития образования, когда миллионы людей сначала нужно было научить читать и писать, а потом дать им самые общие знания по предметам и когда те же миллионы людей верили в то, что наука сделает людей счастливыми. Однако жесткое администрирование при таком традиционном подходе лишь усугубляет проблемы.

Предложенные два направления институционального управления образованием предполагают лишь сценарии развития событий, но в рамках этих сценариев создаются реальные возможности для решения наиболее насущных проблем, с которыми сталкиваются и те, кто учит, и те, кто учится, в современных условиях. В любом случае институциональный контекст функционирования системы образования будет меняться. Эти изменения будут основаны как на технических достижениях, так и на трансформации образа мысли, отношения людей к информации и миру в целом. И очень важно, чтобы они были созвучны интересам страны и ее граждан.

Литература

Барков, С.А. Избавление от неопределенности – естественное желание и порочная стратегия человечества / С.А. Барков // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности: в материалах XV Международной научной конференции «Сорокинские чтения» (Москва, 16-17 февраля 2021 г.). – М.: МАКС Пресс, 2021. – С. 331-333.

Барков, С. А. Институциональные матрицы образования: коллективная монография / С.А. Барков., И.В Колодезникова, А.В. Маркеева. – Москва: Изд. У Никитских ворот, 2025. – 448 с.

Барков, С. А. Институциональный и социально-управленческий контекст современного образования / С.А. Барков., И.В. Колодезникова, А.В. Маркеева. // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2025. – Т. 31. – № 1. – С. 63-98. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-1-63-98>

Белкова, Е. Спрос на платные места в ВУЗах Москвы вчетверо опередил показатель по России // Forbes.28.04.2025. URL: <https://www.forbes.ru/society/536132-spros-na-platnye-mesta-v-vuzah-moskvu-vchetvero-operedil-srednij-pokazatel-po-rossii>

Как изменилось образование за последние 5 лет // РБК.24.04.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6628a7ef9a794779ce5ed5d6>

Обучение длиною в жизнь// ВЦИОМ.30.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn>

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

References

Barkov S. A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. Getting rid of uncertainty is a natural desire and a vicious strategy of mankind. *Sovremennoe obshchestvo v usloviyakh social'no-ekonomicheskoy neopredelennosti: v materialakh XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sorokinskie chteniya» = Modern society in conditions of socio-economic uncertainty": Materials of the XV International Scientific Conference "Sorokin Readings". Moscow: MAKS Press, 2021: 331-333. (In Russ.)*

Barkov S. A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. Institutional matrices of education: a collective monograph. *Moscow: Publishing House U Nikitskih Vorot = Publishing House At Nikitsky Gate, 2025; 448 p. (In Russ.)*

Barkov, S. A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. The institutional and socio-managerial context of modern education. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science. 2025; 1: 63-98. (In Russ.)*

Belkova, E. The demand for paid places in Moscow universities is four times higher than in Russia. *Forbes.28.04.2025. Available at: https://www.forbes.ru/society/536132-spros-na-platnye-mesta-v-vuzah-moskvy-vcetvero-operedil-srednij-pokazatel-po-rossii (In Russ.)*

How education has changed over the past 5 years // RBC = RBC.24.04.2024. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6628a7ef9a794779ce5ed5d6> (In Russ.)

Lifelong learning// ВЦИОМ = VTsIOM.30.08.2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn> (In Russ.)

Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on December 29, 2025) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2026). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.01.2026

Дата окончания рецензирования: 18.02.2026

Дата принятия к публикации: 19.02.2026

Информация об авторах

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: barkserg@live.ru

Маркеева Анна Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Колодезникова Инна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: inna0105@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Barkov Sergey Alexandrovich – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: barkserg@live.ru

Markeeva Anna Valeryevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Kolodeznikova Inna Valentinovna – Candidate of Sciences in Economy, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: inna0105@yandex.ru

The authors declare that there is no conflict of interests